

# ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

## СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук  
Комментарий на Евангелие от Матфея<sup>1</sup>

---

ЛОЖНОЕ И ПОДЛИННОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ. 6:1–18

О МИЛОСТЫНЕ. 6:1–4

**1** Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. **2** Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. **3** У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, **4** чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Доселе Иисус обличал превратное толкование Закона книжниками. Теперь Его речь обращается против ложного благочестия книжников и фарисеев. Именно они имеются в виду под «лицемерами» – собственно, «лицедеями», людьми, которые внешне изображают одно, тогда как их внутреннее устройство соответствует другому.

Согласно изложенному выше учению книжников и фарисеев об оправдании делам праведности придавалось огромное значение. Считалось, что с их помощью человек способен не только погасить свои долги перед Богом, но и накопить заслуги, став таким образом «праведником». Талмуд перечисляет великое множество дел, которые будто бы имеют в себе силу испросить у Бога почти любые земные и духовные блага. Кроме упомянутых Иисусом милостыни, молитвы, поста сюда относятся ещё многочисленные так называемые «дела любви», например, гостеприимство, поддержка бедных книжников, помощь бедным невестам в устройстве брака, посещение больных, участие в свадебных и погребальных торжествах и тому подобное. Иисус вовсе не отрицает, что это добрые дела. Но перед Богом они добры

---

<sup>1</sup> Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

лишь постольку, поскольку исходят из чистого внутреннего расположения. **(1)** Отсюда предостережение: не разрушать их ценность выставлением напоказ, поскольку это будет служение уже не Богу, а собственному тщеславию.

Такое намеренное выставление напоказ в корне отличается от сияния Божия света, которое, порой незаметно для него самого, исходит от человека, творящего добрые дела в силу своего внутреннего расположения, и которое невозможно скрыть – даже вопреки его воле (см. Мф. 5:16 и комм.). Только так добрые дела обретают ценность перед Богом: «иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного». Из слов Иисуса о «награде» прямо следует то, что всякое доброе дело приносит христианину некую «заслугу» – как о том и учит Церковь (см. Мф. 5:12 и комм.). То, что эта «заслуга» должна пониматься совсем иначе, чем в раввинском представлении, мы обсудим далее, при объяснении притчи о работниках в винограднике (гл. 19).

Раздача милостыни в древней синагоге считалась особо почётным делом. И нельзя отрицать, что в иудейской среде заботились о бедных образцово. Повсеместным было общественное попечение о бедных, заведовать которым специально назначали по меньшей мере трёх человек. Когда по пятницам они обходили город с ящиком для неимущих, каждый житель должен был внести посильный взнос сообразно своему достатку. В противном случае попечители о бедных имели право принудительно взыскать соответствующую сумму. Накануне субботы местный бедняк получал средства на четырнадцать трапез, то есть по две трапезы на каждый день до следующей пятницы. Точно так же попечители о бедных ежедневно обходили город с блюдом, в которое каждый житель должен был положить что-нибудь из пищи, чтобы накормить странствующих бедняков. Было точно предписано, сколько продуктов следовало выдавать таким бедным странникам – столько, что им уж точно не приходилось голодать. Одежду они также получали по мере нужды. К этой общественной поддержке бедных прибавлялась ещё всевозможная частная помощь. Тексты Талмуда содержат множество не только прекрасных слов, но и примеров щедрой милостыни. Впрочем, был и такой, весьма разумный, подход: «Того, кто ходит по домам и просит милостыню, не берут на попечение». Зато тем обильнее текла милостыня для стыдящихся своей бедности.

Здесь действовал не только принцип «по достатку дающего», но и другой – «по нужде принимающего». Последний принцип иногда даже прямо преувеличивали. Так, о знаменитом рабб́и Гилл́эле (ок. 20 г. до Р. Х.) рассказывали, что он предоставил одному обедневшему родовитому человеку верховую лошадь и раба, который, по обычаю, должен был бежать перед ним. Более того, когда однажды раб отсутствовал,

Гиллель сам бежал перед лошадей три мили<sup>2</sup>. О другом обнищавшем прежде зажиточном человеке из Верхней Галилеи сообщается, что он ежедневно получал фунт мяса, потому что раньше привык есть его много. А рабби Хунá († 297 г.) добавляет, что это был фунт птичьего мяса, потому что никакого другого он не переносил. При этом очень заботились и о том, чтобы не постыдить бедного. Поэтому правилом считалось, чтобы бедный, по возможности, не знал подающего милостыню, и наоборот. Для этого в Храме существовал так называемый «притвор молчаливых», где можно было незаметно оставить дар. Точно так же и собранные в синагогах деньги распределялись между неимущими анонимно.

Всё это было прекрасно. Но существовал и другой обычай, который легко мог стать почвой для злоупотреблений – и действительно стал. Сама милостыня подавалась тайно. Но во время богослужения в синагоге или на улице, где совершались молитвы по случаю поста (см. об этом далее), было принято публично объявлять, сколько кто готов дать милостыни. Тем самым широко открывались двери тщеславию и честолюбию. Так, рассказывается об одном человеке, который всякий раз, когда община объявляла сумму своих пожертвований, обещал дать столько же, сколько все остальные вместе. Услышав это однажды, рабби Шимон (ок. 250 г.) с публичной похвалой посадил его рядом с собой. Такой же чести рабби Хия (ок. 280 г.) удостоил человека, пообещавшего пожертвовать одну литру, то есть одну мину, – 65 марок<sup>3</sup>. Но были и частые жалобы на то, что кто-нибудь во всеуслышание объявлял большую сумму, но потом её не давал.

Именно такие злоупотребления имеет в виду Спаситель, когда предостерегает: «не трубите перед собой». Это выражение скорее всего следует понимать образно, а не буквально. Во всяком случае, прямых свидетельств о том, что так поступали, нет. Сам же образ, по-видимому, был вызван тем, что всеобщие посты, назначавшиеся для отвращения бедствий и во время которых, вероятно, особенно громогласно объявлялись такие жертвования, предварялись громким звуком труб. **(2)** «Они уже получают награду свою», – говорит Иисус. Греческое выражение ἀπέχουσιν («получают»), взятое из языка торговли, означает «получить платёж и выдать расписку», после чего дело закрыто, и ни о какой доплате позже речи уже быть не может.

---

<sup>2</sup> Бегущий перед неспешно едущим всадником раб был знаком высокого общественного положения: он сопровождал знатного человека и возвещал о его приближении. Приведённый талмудический рассказ подчёркивает, что помощь бедному должна была заключаться не только в удовлетворении насущных потребностей, но и в том, чтобы человек мог сохранить свое прежнее достоинство.

<sup>3</sup> 1 рейхсмарка 1935 г. ≈ 5,5 € в пересчёте на современные деньги.

**(3)** В противоположность всей этой демонстрации своих добрых дел ученику Христову надлежит с такой тщательностью заботиться о сокровенности, что лучше всего ему самому не знать, какое добро он делает. Совершив благое дело, он должен просто переходить к следующему, не задерживаясь мыслью на свершившемся и тем более не предъявляя за него счёт Богу.

Само собой разумеется, Господь этим вовсе не хочет ни отменить разумный порядок в денежных расходах – чтобы человек не раздавал всё безрассудно, а потом уже не мог оплачивать свои нужды, – ни запретить необходимое испытание своей совести, в том числе и относительно добрых дел. Но Он ослабил бы захватывающую простоту и силу Нагорной проповеди, если бы стал разбавлять её здесь и в других местах такими самоочевидными оговорками. А вот назвал бы Он некоторые формы благотворительности, особенно публичной, христианскими – это другой вопрос, на который едва ли можно ответить утвердительно.

Для христиан же со скрупулёзной и тревожной совестью, которые во всём остерегаются даже малейшей тени тщеславия, нужно заметить: одно – когда доброе дело в самом своём основании совершается из тщеславия и потому теряет ценность перед Богом; и совсем другое – когда оно совершается с некоей привходящей примесью тщеславия. Твоё намерение было чистым и добрым, но во время исполнения дела к нему стали примешиваться тщеславные помыслы. Не обращай внимания на эти помыслы. Они – неизбежное сопровождение человеческой падшести и не могут существенно повредить доброму делу, начатому с добрым намерением. Да и вообще слишком щепетильным христианам не полезно исследовать «внутреннее эхо» от своих дел – есть ли в них тщеславие, а может быть, примесь тщеславия, и как быть, если возникнет услаждение от тщеславия, и т. п. Некоторых это так смущает, что они в конце концов вообще не могут ничего предпринять. Делай добро просто, не задумываясь, приносит оно тебе славу или нет. Принимай похвалу спокойно, не придавая ей значения; так же спокойно принимай порицание и неудачу. Тогда сопутствующее тщеславие само собой упразднится.

## О МОЛИТВЕ. 6:5–15

**5** И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. **6** Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий

тайное, воздаст тебе явно. **7** А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; **8** не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. **9** Молитесь же так:

Отче наш, сущий на небесах!

Да святится имя Твое;

**10** да приидет Царствие Твое;

да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

**11** хлеб наш насущный дай нам на сей день;

**12** и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

**13** и не введи нас в искушение, но избавь нас от зла<sup>4</sup>.

[Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.]

**14** Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, **15** а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Иудей, помимо участия в общественном богослужении, был обязан ежедневно совершать определённые молитвы. К ним прежде всего относилась так называемая Шма – три места из книг Моисея, содержавшие исповедание истинного Бога<sup>5</sup>. Её нужно было читать дважды в день – ранним утром и вечером. Она считалась не столько молитвой, сколько исповеданием, которое, конечно, все знали наизусть. Кроме того, обязанностью было утром и после полудня – первоначально во время жертвоприношений, в 9 и 15 часов, – совершать «Восемнадцать благословений», названных так по восемнадцати славословиям, которые входили в эту молитву. Уже во времена Христа «Восемнадцать благословений», вероятно, читали и вечером, а с конца I века это стало всеобщим обычаем. В Талмуде содержится множество предписаний о том, как, когда и где следует произносить эти молитвы. Наилучшим местом считалась синагога, где всё молитвословие, как полагали, имеет бóльшую ценность. Но и дома, и на улице, и во многих других местах – только не в нечистых – эти молитвы тоже можно было совершать, причём по возможности стоя. **(5)** Многие,

<sup>4</sup> Греческое выражение ἀλλά ρῦσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ многозначно. Какого рода τοῦ πονηροῦ – мужского или среднего, – с точностью сказать нельзя, поэтому здесь может пониматься и персонифицированное зло, и зло вообще (см.: Strack/Billerbeck. Kommentar zu NT aus Talmud u. Midrasch. 1956, I, стр. 422). Немецкие библейские переводы все дают: errette (erlöse) uns von dem Bösen (Übel), то есть «от зла», «от злого». Славянский и русский переводы несколько сужают широкий смысл подлинника, кроме того, слово «лукавый» современным ухом воспринимается как что-то игриво-несущественное. Поэтому здесь предпочтителен перевод по немецкому образцу.

<sup>5</sup> Шма (Шемá) — главная молитва для иудея, провозглашающая единобожие Всевышнего и закрепляющая союз еврейского народа с Творцом. Она состоит из трёх отрывков из Торы: Втор. 6:4–9; 11:13–21; Числ. 15:37–41, и начинается словами «Шма Исраэль» («Слушай, Израиль»).

желающие показать свою особую набожность, – их Иисус и называет «лицемерами» – старались с как можно более важным видом стать напоказ на самом видном месте в синагоге (ср. рассказ о фарисее и мытаре в храме, Лк. 18), или же нарочно оказаться на оживлённом уличном перекрёстке будто бы застигнутыми временем молитвы, чтобы показать людям своё благочестие. Господь говорит о них то же самое, что и о тех, кто демонстрирует свою милостыню: «Они уже получают награду свою».

Совсем иначе должен поступать ученик Христа. **(6)** То, что он в своём сердце хочет сказать своему Богу, пусть остаётся в сокровенной клети. Опять же, само собой разумеется, что Иисус здесь не хочет умалить значение общей молитвы, которую Он так высоко ставил (ср. Мф. 18:19–20). Но самое внутреннее, личное, что происходит между человеком и его Богом, надлежит хранить от посторонних глаз. По этой причине богослужебным молитвам Церкви свойственна торжественная, в известном смысле безличная объективность – соответственно, и произноситься они должны с такой же объективностью: с достоинством, но без пафоса. А отдельному верующему, молящемуся в собрании, следует во всём своём поведении сохранять то же достоинство и остерегаться броскими жестами и словами изливать вовне своё особое внутреннее молитвенное горение (ср. 1 Кор. 14:28; 40), потому что в тот же самый миг возникает опасность, что это горение угаснет, и то, что первоначально было подлинным умилением, станет драматическим представлением, а то и комедией.

**(7)** Поэтому молящийся не должен нагромождать множество слов: от этого молитва рискует стать пустословием, поскольку ни ум, ни сердце не способны объять столько слов и наполнить каждое из них живым содержанием. Такие пустые слова произносили не только язычники; большинство иудейских молитв того времени также служат выразительной иллюстрацией ненужного многословия. Такова, например, молитва, которую нужно было произносить как вступление к Шма: «Истинно, и верно, и твёрдо, и непреложно, и правильно, и надёжно, и любимо, и желанно, и достойно, и приятно, и страшно, и славно, и праведно, и угодно, и хорошо, и прекрасно это слово (то есть Шма)» – и так далее. Или из другой молитвы: «Благословенно да будет великое имя Его во веки, во веки веков. Благословенно, и восхвалено, и украшено, и возвышено, и превознесено, и прославлено, и воспето, и вознесено да будет святое имя Его. Благословен Он превыше, превыше всякого благословения, песнопения, славословия и утешения, произносимых на свете». Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что было также немало книжников, предпочитавших краткие, содержательные молитвы.

Конечно, подобный поток слов можно найти и в христианских молитвах. Некоторых святых полнота их пламенеющего от действия Божия сердца, быть может, сама собой побуждала к возвышенному и пространному молитвословию. Для святого это было не пустое многоглаголение, потому что его слова соответствовали его внутреннему горению и даже не могли выразить его вполне. Но обычный верующий поступил бы лучше, если бы молитвенными излияниями святых душ восхищался – но не пытался переносить их на себя. Для него они могут оказаться бессодержательными, а то и вовсе бесполезными, поскольку они не выражают его собственного внутреннего состояния, а лишь вводят его душу в самообман.

Психологическую причину молитвенного многоглаголения у язычников Иисус раскрывает так: «они думают, что в многословии своём будут услышаны». Они представляют себе своих богов как людей, которым нужно до подробностей перечислить всё, чего от них хотят, чтобы те это знали и не забыли, или которым нужно снова и снова напоминать о своих просьбах, потому что они не слишком расположены их исполнять. **(8)** Такое представление о Боге недостойно христианина: «Не уподобляйтесь им: Отец ваш знает, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него». Но несмотря на эти ясные слова, сколь многие добрые христиане думают, что перед Богом они всегда должны только говорить и говорить, – вместо того чтобы хоть иногда молчать и давать Самому Богу говорить в своём сердце! Конечно, для детей, отправляемых в церковь, хорошо, когда они берут с собой молитвослов и спокойно молятся по нему. Иначе они не знали бы, чем заняться, и стали бы шалить. Но зрелый человек, приходящий к Богу по внутреннему побуждению, может иногда просто стоять на коленях – даже после святого причащения или за мессой – и в молчании давать Богу действовать в себе. От этого многие получили бы гораздо больше покоя и силы, чем от изнурительных попыток всё время выжимать из себя молитвенные мысли и слова.

Часто люди неверно понимают, что такое молитва, молитвенное делание. Они думают, будто оно состоит в напряжении ума и непрерывном удерживании внимания на молитвенных словах, так, чтобы в сознании по возможности не оставалось места ни для какой иной мысли. Конечно, не следует намеренно искать поводов к рассеянию, как поступает, например, человек, который молится в церкви и одновременно разглядывает находящихся рядом с ним людей. Но посторонние мысли, которые сами собой приходят в голову и уходят из неё, не нарушают молитвы, потому что они вторгаются невольно и не затрагивают самого существа молитвы. Бог смотрит не в голову молящегося, а в его сердце. Если ты приступил к Богу по искреннему

расположению души – воздать Ему славу, испросить у Него благодать и силу для труда и борьбы или хотя бы немного отдохнуть у Него, – значит, ты молился хорошо, даже если из-за усталости и не смог по-настоящему сосредоточиться. Поэтому и в домашней, и в общественной молитве лучше было бы, например, читать «Отче наш» не три, пять или ещё больше раз подряд<sup>6</sup>, а всего один раз – медленно, вдумчиво и благоговейно. Так не только не возникало бы неприятного впечатления у окружающих, но устранялась бы и опасность, что сами верующие множеством машинально повторяемых молитвенных слов убьют в себе дух молитвы.

Иное дело, когда человек молится по чёткам, и при этом его мысли время от времени переходят от произносимых слов к размышлению о тех или иных истинах Божиих, а порой и к собственным нуждам и заботам, – а затем внимание вновь возвращается к молитвенным словам. Именно повторение краткой молитвы, пусть даже во время её человек останавливается на той или иной мысли, помогает ему легко, снова и снова, на протяжении долгого времени возносить ум и сердце к Богу. Если бы в молитве он только выговаривал то, что у него на душе, слова быстро бы иссякли, и больше ему нечего было бы сказать. Между тем ему так нужно не только приносить Богу свои заботы и нужды, но и хотя бы некоторое время просто побыть с Ним. Здесь непрестанное повторение одной и той же краткой молитвы вполне оправданно, хотя другим это нередко непонятно: они слышат лишь повторяемые слова и не догадываются, что происходит в сердце молящегося.

В молитве всё зависит от внутреннего устройства и личных особенностей каждого человека. Поэтому тут нельзя и не следует устанавливать множество правил. Один пусть молится так, другой иначе – каждый так, как ему полезно. Кто находит в молитве то, чего ищет, – общение с Богом, новое мужество и новые силы, – тот, несомненно, молится правильно, во всяком случае, лучше того, кто изнуряет себя, стараясь соблюсти все аскетические правила, а отходит от молитвы с усталой головой и пустым сердцем.

Наконец, нельзя забывать и сказанное в Послании к Римлянам: *Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чём молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца́ знает, какая мысль у Духа* (Рим. 8:26–27). Поэтому неспособность сосредоточиться и множество мыслей и слов, которые нам не удаётся привести в

---

<sup>6</sup> Имеется в виду распространённая в католической практике благочестия традиция читать молитву Господню определённое число раз подряд.

стройный порядок, ещё не делают молитву бесплодной: Дух Святой восполняет нашу немощь и совершает в сердце то, что сами мы высказать не можем.

В противоположность обличаемому Им образу молитвы Господь даёт нам в «Отче наш» пример того, как молиться нужно. Поэтому в греческом тексте здесь особо выделено местоимение «вы»: **(9)** «Молитесь же *вы* так». Возможно, первоначально молитва Господня была произнесена при других обстоятельствах, а Матфей поместил её здесь. Лука приводит её в несколько более кратком виде и в совершенно иной связи – когда ученики обратились к Иисусу с просьбой: Господи! *научи нас молиться* (Лк. 11:1 и далее). Но столь же возможно, что Господь повторил это наставление и здесь, для народа, который вместе с учениками слушал Его.

Уже само начальное обращение кратко и многозначительно – как и вся молитва. «Отец» – одно это слово напоминает молящемуся о тех отношениях с Богом, какие даровал ему Христос. Но верующий говорит: «Отче *наш*», как и во всех последующих прошениях говорится «нам», а не «мне». Этими словами он исповедует себя членом великой семьи Божией и включает в своё молитвенное ходатайство всех своих братьев и сестёр. Слова «Сущий на небесах» обращают его взор туда, где сияет конечная цель всех его желаний и молитв.

Смысл первых трёх прошений яснее всего раскрывается во втором из них: **(10)** «Да приидет Царствие Твое». Прежде всего здесь имеется в виду Царство в его окончательной полноте (см. выше, комментарий к 3:2 и 5:3), которого верующий жаждет и пришествия которого ожидает, – Царство совершенного владычества Божия. Этому соответствует и употреблённый в греческом тексте императив аориста ἐλθέτω, обозначающий единичное и окончательное совершение действия. В этом наступившем Царстве исполнится самое заветное желание каждого чада Божия: имя Божие будет святиться, потому что исчезнет всякий грех, который бесчестит это имя среди людей. Это совершится потому, что повсюду будет твориться одна лишь воля Божия – «и на земле, как на небе».

Но Царство Божие, хотя его полнота будет некогда низведена Самим Богом с небес, должно прежде возрасть и развиваться на земле, подобно горчичному зерну, и постепенно заквашивать всю землю (см. притчи в Мф. 13:31 и далее). Поэтому в этих прошениях содержится также просьба о том, чтобы Бог уже теперь неустанно действовал в людях – чтобы грех упразднялся, а владычество Божие всё шире распространялось; чтобы Бог не только всё полнее утверждал Свою волю в человечестве, но и подавал каждому человеку благодать исполнять её и нести то, что

по воле Божией возлагается на него лично. Вознося эти прошения к Богу, человек тем самым обращает призыв и к самому себе: добровольно принимая волю Божию, он должен по мере сил содействовать тому, чтобы имя Божие свяtilось, чтобы Божие Царство приближалось и распространялось на земле.

Подобно некоторым древнеиудейским молитвенным формулам, первые три прошения имеют характер пожеланий, а не прямого обращения к Богу. Человеку не подобает обращаться к Богу с прямым повелением относительно Его божественных действий; вместе с тем такая непрямая форма придаёт выраженному желанию ещё бóльшую настойчивость.

Лишь после того как молящийся высказал перед Богом свои первые и главные стремления, относящиеся к делу Самого Бога, он переходит к собственным нуждам и заботам. Эти личные просьбы и желания всецело подчинены первым, и в них само собой подразумевается условие: исполнены они могут быть лишь постольку, поскольку согласуются с делом Божиим. В греческом языке это подчёркивается настоятельностью первых прошений, которая в переводах не так заметна: *«Непременно должно святиться имя Твоё, непременно должно прийти Царство Твоё, непременно должна совершиться воля Твоя»*. Последующие же прошения выражены уже не в столь решительной и безусловной форме.

Первое среди личных попечений человека – его насущные нужды. Перед лицом вечности это, конечно, не самое важное. Но у того, кто всецело подавлен заботами о земной жизни, не остаётся ни времени, ни душевных сил должным образом заботиться о спасении своей души. Поэтому Спаситель прежде всего учит просить о хлебе насущном. **(11)** Хлеб служит основной пищей жителя Востока, а всё остальное считается лишь добавлением к нему. Поэтому выражение «есть хлеб» означает то же, что «принимать пищу».

Греческое слово *ἐπιούσιον*, которое в общепринятом переводе передаётся как «насущный», трудно истолковать с полной определённой. Традиционные переводы расходятся между собой не меньше, чем филологические объяснения современных исследователей. В древнем латинском переводе стоит «повседневный»; такое понимание принимают и некоторые новые толкователи. Другие переводят: «необходимый для существования». Один древний сирийский перевод читает: «хлеб постоянный», а Пешитта, то есть традиционный сирийский перевод, – «хлеб для нашей потребности». С филологической точки зрения наиболее приемлемым, вероятно, следует признать толкование, которое уже содержалось в древнем так называемом «Евангелии евреев». Это Евангелие, написанное на арамейском языке, употреблялось

в некоторых иудеохристианских общинах за Иорданом, в которых жили принявшие христианство иудеи, изгнанные из области Иерусалима римским императором Адрианом в 135 году. Они были христианами, но вместе с тем хотели оставаться иудеями и продолжали соблюдать Закон так, как привыкли у себя на родине, не отвергая при этом и учения св. Павла, апостола язычников. По-видимому, на основе первоначально написанного по-арамейски Евангелия св. Матфея они составили собственное евангелие, дополнив его различными расширениями и отчасти включив в него рассказы, сохранявшиеся в устном предании. Пользовались они только этим евангелием, поскольку не хотели употреблять за богослужением книги, написанные по-гречески. Это «Евангелие евреев», которое блаженный Иероним, по его утверждению, около 390 года перевёл на греческий и латинский языки, не сохранилось ни в оригинале, ни в этих переводах и известно нам лишь по упоминаниям и цитатам древних церковных писателей. Однако, судя по оставшимся свидетельствам, оно в целом было очень близко к Евангелию от Матфея. А поскольку иудеохристианин Егезипп, живший в Риме между 150 и 160 годами, уже знал его, возникло оно, по всей видимости, очень рано.

Как сообщает блаженный Иероним, в этом Евангелии читалось: «Хлеб наш на завтра подай нам сегодня». С таким переводом лучше всего согласуется и филологическое объяснение греческого слова ἐπιούσιος как происходящее от выражения ἡ ἐπιούσα ἡμέρα, то есть «следующий день». Но какой бы перевод мы ни выбрали, по существу все они выражают одну и ту же мысль – речь идёт о самом близком времени. Поэтому в любом случае следует исключить переводы, придающие этим словам чисто духовный смысл, в том числе предложенный самим блаженным Иеронимом *supersubstantialis* – «сверхсущностный», то есть «вышестественный хлеб».

Итак, в полном согласии с тем, что далее Иисус говорит о потребностях земной жизни, Он учит нас просить только о необходимом – о том, в чём мы нуждаемся сегодня и завтра. Однако всё это, конечно, надлежит понимать не узко-буквально. С одной стороны, духу учения Христа противоречит, и духовной жизни вредит, когда человек изнуряет себя тревогами о грядущем – их следует препоручить промыслу Божию. Но с другой стороны, упорядоченная жизнь требует, чтобы человек трудом своих рук, с Божиим благословением, заботился о ближайшем будущем. Иначе гнетущая забота о хлебе насущном отнимет у него и время, и душевное расположение для попечения о духовном.

Помолившись таким образом о своих насущных потребностях и вверив эту заботу Богу, верующий может теперь с полным вниманием обратиться к более важным нуждам: к потребностям своей души. Прежде всего перед ним предстаёт долг грехов прошлого, которому не дают разрешиться, а порой его и преумножают, остающиеся немощи и прегрешения. **(12)** Поэтому – «Прости нам долги наши». Это прошение я вправе произносить с полным упованием, потому что Тот, перед Кем я в долгу, – мой Отец. Но здесь есть одно условие: мои должники – тоже дети этого Отца, а значит, мои братья и сёстры. Поэтому в греческом тексте подчёркивается: «как и мы уже простили». Стало быть, прежде чем возносить Богу эту молитву, я сам должен простить – иначе у меня нет надежды быть услышанным. И произносить эти слова нужно искренне, соответствуя им жизнью; в противном случае они обернутся осуждением для меня самого.

Воспоминание о грехах прошлого само собой пробуждает тревогу перед опасностями будущего: **(13)** «И не введи нас в искушение». Сам Бог, конечно, никого не искушает ко греху – к нему склоняет враг или собственная похоть человека (Иак. 1:13–14). Но существует множество жизненных обстоятельств – внешних и внутренних, радостных и тяжёлых, – которые могут стать поводом к искушению и падению. Смысл этого прошения в том, чтобы промысл Божий провёл нас мимо подобных обстоятельств или, если на жизненном пути избежать их невозможно, сохранил нашу душу невредимой среди них.

Следующее, последнее прошение расширяет эту мысль: «но избави нас от всякого зла». Мы просим Бога избавить нас, а точнее – уберечь, сохранить – не только от греха, но и от бесчисленных зол и бедствий, которые грех уже породил и продолжает порождать. Всё злое и бедственное в мире есть следствие греха. Так молитва вновь возвращается к содержанию первых трёх прошений: только в совершенном Царстве Божию, где исполняется одна лишь воля Божия, уже не будет никакого зла.

В заключение мы прибавляем: «Аминь». «„Аминь“ – это подтверждение услышанных слов; „аминь“ служит клятвой; „аминь“ означает: „да исполнятся эти слова“» (Талмуд).

Славословие «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки», содержащееся в ряде рукописей и переводов и встречающееся уже в «Учении двенадцати апостолов» (ок. 100 г.), несомненно, восходит к первохристианской эпохе, но не принадлежит изначальному тексту Евангелия. На это указывают не только весьма различные формы этого славословия в рукописном предании, но и полное его отсутствие в лучших

рукописях, в древнелатинском и коптском переводах, а также тот факт, что древнейшие толкователи совершенно о нём не упоминают.

Если сравнивать «Отче наш» с древними языческими и иудейскими, а также со многими христианскими молитвами, становится особенно ясно, какое богатство заключено в его немногих и простых словах. Это не просто молитва – это целая школа молитвы, в которой мы учимся, о чём и как нам следует молиться и что вообще составляет самое главное в жизни. Более того, благодаря своему содержанию, охватывающему и земную жизнь, и вечность, молитва Господня служит лучшим руководством к духовному размышлению и созерцанию: её смысл невозможно исчерпать. Поэтому она не только прекрасно открывает нам ясный, простой и всеобъемлющий дух Иисуса, но и дана нам как драгоценный дар – как неувядающий источник утешения и силы во всех жизненных обстоятельствах и нуждах. Вот почему «Отче наш» следует всегда произносить медленно и вдумчиво. Но это, конечно, невозможно до тех пор, пока сохраняется обычай многократно повторять молитву Господню столько раз, что поневоле приходится читать её поспешно<sup>7</sup>.

**(14)** И заканчивая поучение о молитве, Господь ещё раз подчёркивает непреложность условия: тот, кто просит милости у Бога, должен сам простить ближнего. Поэтому, с одной стороны, получить отпущение своих грехов труднее, чем думают некоторые. Но с другой стороны – и легче. Иной человек из всех сил старается обрести мир с Богом, с мучительной скрупулёзностью соблюдая правила благочестия, но так и не достигает желаемого. Между тем здесь для него открывается более простой путь – от чистого сердца последовать наставлению Спасителя: «если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный».

#### О ПОСТЕ. 6:16–18

**16** Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. **17** А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твоё, **18** чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Во времена Христа у иудеев было только два официальных постных дня, обязательных для всего народа: День очищения и девятый день месяца авá (в конце

---

<sup>7</sup> См. предыдущее примечание.

лета), установленный в память о разрушении храма Навуходоносором в 586 году до Р. Х., а позднее также в память о разрушении второго храма Титом в 70 году по Р. Х. Кроме того, отдельные общины назначали посты во время бедствий: например, при отсутствии дождей, при эпидемиях, нашествиях саранчи, войнах и тому подобном. Тогда понедельник и четверг становились постными днями, а на улицах совершались общественные богослужения; при определённых обстоятельствах такой постный период мог продолжаться несколько недель.

Строже всего соблюдался пост в День очищения. Талмуд предписывает: «Кто в День очищения съест пищи объёмом с крупный финик или выпьет столько, сколько составляет один глоток, тот виновен в нарушении поста». В этот день не разрешалось также мыться. Женщине позволялось разве что сполоснуть одну руку, чтобы дать еду ребёнку. Равным образом запрещалось всякое умащение (помазание благовонным маслом) тела – как ради украшения, так и для лечения. Нельзя было носить и сандалии. Некоторые книжники, впрочем, считали допустимыми сандалии, сплетённые из ивовых прутьев или изготовленные из пробки. Для остальных постов действовали менее строгие предписания, хотя при общественном посте из-за засухи они могли ужесточаться. Так, например, разрешалось умывать руки, ноги и лицо, запрещалось лишь омовение всего тела. При этом законоучители спорили, распространяется ли запрет на омовение холодной водой или только тёплой. Но и тогда запрещалось умащение, «доставляющее удовольствие». Иудеи вообще очень любили умащать не только голову, руки и ноги, но и всё тело, поэтому это позволялось даже в субботу. В Талмуде говорится: «В субботу можно умаститься маслом, а затем лечь на новую подстилку и, несколько раз повернувшись с боку на бок, растереть масло по телу. Это не будет нарушением святости субботы. Однако наливать масло на мраморную плиту и ложиться на неё с той же целью возбраняется».

Обычно пост продолжался от восхода до захода солнца. В более строгих случаях он начинался уже с предшествующей ночи. Но очень часто благочестивые люди добровольно налагали на себя личные посты. Пост ценился чрезвычайно высоко. Считалось, что им, как и молитвой и милостыней, можно испросить у Бога почти всё, даже отмену вынесенных Им грозных определений. Согласно преданию, постился уже Адам. Поэтому пост соблюдали как ради частных нужд, так и ради общественного блага. Наиболее ревностные верующие принимали на себя посты для умиловления за грехи народа и для того, чтобы отвратить гнев Божий от Иерусалима. В подобных случаях одним постным днём не ограничивались, а давали обет поститься долгое, иногда даже очень долгое время. Но, как правило, в течение этого периода постными

днями были лишь понедельник и четверг, как при общественных постах во время бедствий (ср. также Лк. 18:12), и продолжался такой пост в эти дни, по обычаю, от восхода до захода солнца. Однако, судя по всему, существовали и более строгие подвиги, например непрерывный пост с понедельника до четверга. Некоторые доводили пост до крайности. Особенно позднее, после разрушения храма, приходилось уже прямо предостерегать от чрезмерного поста, который разрушал здоровье и делал человека неспособным к труду. Так, знаменитый рабби Садок провёл сорок лет в строжайшем посте, желая предотвратить будущее разрушение Иерусалима, случившееся в 70 году. Силы он поддерживал тем, что «съедал один плод сикомора и при этом истолковывал сто мест Писания». В конце концов он настолько иссох, что врачам лишь с большим трудом и величайшей осторожностью удалось снова приучить его организм принимать пищу.

**(16)** Те «лицемеры», о которых говорит Спаситель, по-видимому, нарочито преувеличивали такие дополнительные лишения, как отказ от умощения и умывания, чтобы непременно привлечь к себе всеобщее внимание. Иисус требует прямо противоположного: не выставять пост напоказ, а, насколько возможно, не давать окружающим заметить его. **(17)** Человек с тонким душевным чувством вообще бережёт от посторонних глаз не только свои сокровенные отношения с Богом, но и всё, что глубоко затрагивает его душу. Выносить это на всеобщее обозрение будет для него осквернением святыни, почти своего рода духовным бесстыдством. Умение хранить внутреннее сокровище в тайне порой требует большого самообладания и душевных сил – но именно в таком хранении себя эти силы и укрепляются. Тот же, кто выставляет наружу всё, что у него внутри, лишь роняет себя перед Богом и людьми и делается пустым и бессильным, как колеблющаяся трость.